

<https://www.liveinternet.ru/users/inna-inness-ina/post114555089/>

ДМИТРИЙ ХВОРОСТОВСКИЙ В ПРОГРАММЕ "МАСТЕРА"

4 августа 2009

БЕРЛИН: Дорогие друзья, уважаемые слушатели, здравствуйте! Я рада приветствовать Вас на волнах радиокompании «Голос России». Это программа «Мастера» У микрофона Диана Берлин. И сегодня у нас действительно мастер. Мастер высокого класса. Народный артист России, лауреат Государственной премии, звезда мировой оперной сцены Дмитрий Hvorостовский, здравствуйте!

ХВОРОСТОВСКИЙ: Здравствуйте!

БЕРЛИН: Ну, во-первых, спасибо Вам огромное за то, что в своем теснейшем графике Вы нашли время для того, чтобы дать интервью нашей программе.

ХВОРОСТОВСКИЙ: С большим удовольствием нашел.

БЕРЛИН: Спасибо! Обычно, в этой программе мы говорим о том человеке, который пришел в эту студию. О Мастере. Сегодня – это Вы. И вопрос первый. Это будут вопросы, которые от меня и от наших слушателей. Мы анонсировали Ваш приход, конечно же, и поэтому получили вопросы по Интернету. Скажите пожалуйста, кому мы обязаны, мы, слушатели, которые действительно Вас любят и почитают, и ходят на Ваши концерты, где бы они ни были, в разных точках мира, кому мы обязаны постановкой такого голоса?

Блистательного голоса. Или –это от природы?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Ну, прежде всего, конечно, папе с мамой. Во-вторых, конечно, папе с мамой, и в- третьих, тоже папе с мамой. Потому что, если бы не мои родители, во-первых, я бы не родился, во-вторых, если бы не мои родители, обладавшие определенными талантами, музыкальными талантами, я бы не получил эти таланты в наследство. Если бы не мои родители, настоявшие на том, чтобы я занимался музыкой всю свою жизнь при всем моем сопротивлении, упорстве, упорном сопротивлении, тем не менее, заставив меня заниматься музыкой с самого начала, с 7, где-то с 6-ти лет я уже занимался музыкой, ходил в музыкальную школу, занимался на фортепиано, и так далее, и так далее. И в-четвертых, если бы не мои родители – эта любовь, совершенно бесконечная, бескорыстная любовь к музыке не передалась бы мне, я бы не стал, что я есть на

данный момент. Все остальное, конечно я могу продолжать этот список уже отойдя от моих родителей, и прежде всего, конечно ,я хочу сказать, конечно, и о своей учительнице, которая воспитала меня как исполнителя, прежде всего. Екатерина Константинова Иоффе, профессор Красноярского института искусств, тогдашенного, теперь он, кажется, называется Академия. Человек, приучивший меня ничего не делать на сцене абы-как, не пропуская через ...то, что ты поешь, то, что ты делаешь через свое сердце, через свой ум. Это человек, научивший меня до рефлексорного уровня поступать так, а не иначе. Я бесконечно ей благодарен. Вся моя жизнь — это абсолютно идеальное стечение счастливых обстоятельств. Где, встречавшиеся мне люди помогали мне. Всегда «помогали» мне во всем, на профессиональном моем пути, по человечески. Даже те люди, которые помогали мне со знаком минус, я им благодарен тоже, потому что это воспитывало меня, как нельзя лучше. Вот так вот.

БЕРЛИН: Ну, вообще, прекрасный ответ. Спасибо Вам, большое! Скажите, а есть ли тот великий, кого Вы лично можете назвать Мастером?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Шаляпин.

БЕРЛИН: Шаляпин.

ХВОРОСТОВСКИЙ: Конечно. Для меня Шаляпин являет собой абсолютно и абсолютно непререкаемый кладезь мастерства, наличие таланта, гения, мастерства, упорства, природной возможности учиться и набираться того же мастерства. Это удивительная, совершенно непревзойденная глыба. Скала, которая на протяжении тоже всей своей жизни училась и набиралась всего.

БЕРЛИН: Вот интересно, сколько Вам было лет, когда Вы услышали Шаляпина?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Ну, я с детства слушал Шаляпина. Я, когда начал понимать и помнить себя, с той поры я слушал музыку, потому что музыка постоянно звучала в нашей семье. Мой отец, прекрасный пианист, и занимался пением тоже, когда я был практически новорожденным, он начал заниматься пением, ну как, профессионально. И на протяжении всей своей жизни я слушал моего отца поющего и играющего на рояле. Слушая свою мать поющую. Свою бабушку поющую, рассказывающую многочисленные сказки, истории, легенды, поющую песни русские. Это все в совокупности мне помогало. И прежде всего, конечно, Шаляпина я слушал. Нежданову, Шаляпина, Собинова – вот этих вот трех русских певцов, которые я боготворил и боготворю до сих пор. И уже потом с Шаляпина я перешагнул на итальянских певцов, на Марию Каллас, на Джузеппе Ди Стефано, на Тито Гобби, Титта Руффа и т.д. Аэторио Бастионини – мой любимый баритон, оставшийся, ну, как первая, знаете, любовь. При

всех моих теперешних пониманий о том, что, несмотря на этот удивительный по красоте голос, есть некоторые, может быть, там дефекты, в его исполнительском мастерстве, но это ничуть не умаляет достоинства удивительного совершенно, уникальнейшего голоса. По красоте. Я его обожал и обожаю — Аэторио Бастоинини. Паваротти, непревзойденный совершенно по красоте, по удивительному дару, по обаянию, божественному обаянию певца. Пласидо Доминго, многих, многих. Ирина Архипова. Ирина Архипова, как же я мог не назвать ее в первых числах! Конечно, Архипова удивительная певица, мастер, настоящий мастер! Который еще в моей судьбе грандиозную роль сыграла!

БЕРЛИН: Да? Какую?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Если бы ни Ирина Архипова, я бы ... Во-первых, Архипова была председателем жюри конкурса Глинки. Где я победил. И она, насколько я понимаю, она отметила меня и помогла мне получить первую премию! Потому что у каждого, в принципе, у каждого из конкурсантов сидел кто-то в жюри. У меня никого не сидело. В общем, Архипова была очень благосклонна ко мне и поэтому мальчик из Сибири смог победить на конкурсе Глинки. Это, в общем, вещь достаточно редкая. Затем Архипова на протяжении всей оставшейся моей жизни мне помогала и направляла меня всегда. И это ее идея, ее воля, прежде всего, что я попал на конкурс ВВС, в Кардиффе, где я победил — был телевизионный конкурс. И благодаря которому я на следующий день проснулся знаменитым. Относительно, конечно. Архипова. Архипова, конечно, и прежде всего, она.

БЕРЛИН: Все-таки, очень интересно Вы рассказываете, и поразительно для нашего времени, и для всех людей, и для всех нас, что Вы помните каждого из этих людей. И благодарны им.

ХВОРОСТОВСКИЙ: Ну а как же? Конечно!

БЕРЛИН: Это, наверное, тоже мама — папа?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Благодарность? Нет, Вы знаете, благодарность — это уже приобретенное качество. Вообще, все мы в детском, юношеском возрасте мы неблагодарно поступаем, мы неблагодарны.

БЕРЛИН: Да.

ХВОРОСТОВСКИЙ: Жизнь нас этому учит и чем больше шишек мы получаем, тем большему мы учимся. В частности, благодарности.

БЕРЛИН: Вы с годами мягче?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Да, пожалуй. Да, я был достаточно жесткий в юности.

БЕРЛИН: А вот, скажите, пожалуйста, конечно, у Вас уже было огромное уже количество пересечений, с великими музыкантами, вот интересно Ваше отношение со Свиридовым. Даже посвящение Вам «Петербурга» на стихи Блока. Вот как? Люди разных абсолютно поколений?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Вот соединились мы. Ему было, видимо, интересно, со мной, мне – с ним. Что, в принципе, я, пожалуй, был единственным, которого он по настоящему не поправлял и не давил. Потому что всех своих исполнителей он задавливал просто. А я, я, опять же этого миновал... Как-то он был очень добр, и очень мягок со мной. И очень снисходительно относился к тому, как я его музыку исполняю. Он был ... он прощал мне все.

БЕРЛИН: Ну что? Что можно было Вам прощать?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Ну, отсебятину, прежде всего, потому что он ...

БЕРЛИН: Вы позволяли, да?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Ну это моя интерпретация – это моя интерпретация. А Свиридов – ведь он сам пел свои произведения. И настолько сильно! У меня сохранились записи. Еще магнитофонные записи его исполнения. Миша Аркадьев записывал. Это сам он, вообще, Аркадьев с ним чаще, конечно, общался, он был с ним дружен в начале, и потом он уже познакомил меня с Георгием Васильевичем. И я просто знал уже последствия, я знал, и, читая, и разговаривая с исполнителями его музыки, насколько силен, насколько сильно он давлен над исполнителями. Даже самыми большими: Архиповой, Ведерников, Нестеренко. Он их просто давил. Вот со мной... как он... ему все нравилось.

БЕРЛИН: Какая-то высшая степень доверия была. Получается.

ХВОРОСТОВСКИЙ: Ему все нравилось, тем более, что мы, конечно, шалили. Мы предпочли не работать с ним, а работать сами. А потом, в общем, пригласили его на первое исполнение «Отчалившей Руси». Это на Пречистенке зал такой есть. В каком же это году было? В 94-ом году он пришел, и мы уже так ему, постфактум предоставили то, что вот как мы трактуем его «Отчалившую Русь». И он был очень мягок, он не критиковал, совершенно. Я помню, записав эту «Отчалившую Русь» с «Philips», мы пригласили, я пригласил его в Лондон, на первое исполнение «Петербурга» — цикла, который дорабатывался, и в конце концов, первое исполнение «Петербурга» было в Лондоне, дважды в зале «Wittner-hall». Он приехал и мы ему показывали уже пластинку. То есть, диск, записанный «Отчалившей Руси». И, я помню, Свиридов сел, и с первых же звуков музыки он окунулся в глубочайший, глубочайший сон. Сон! Он заснул! Палочка упала, причем с таким грохотом, что вообще его не разбудило, музыка звучала очень громко, я включил всю свою систему на полную громкость, он не то, что задремал, он заснул. Глубоко, глубоко заснул.

БЕРЛИН: Ну, может быть, это такой был сон успокоения?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Так слушайте дальше.

БЕРЛИН: Так.

ХВОРОСТОВСКИЙ: Вот, и он же, он проспал от начала до конца, с последними звуками он резко пробудился, и подурневшими глазами

совершенно, со сна, на нас поглядел, и потом начал разбирать весь этот цикл с первой до последней ноты.

БЕРЛИН: Фантастика!

ХВОРОСТОВСКИЙ: Он что, значит, не спал? Или он как-то во сне? Я ничего понять не могу! Вот. И тут нам досталось! И было за что! Потому что я считаю, что диск записан очень, конечно, субъективно, рвано, нервно, с большими очень перегибами во вкусе, очень проблематично. Вот, поэтому, к сожалению, этот вот диск я не слушал уже больше 10 лет.

БЕРЛИН: Ну и не хотите к этому возвращаться, да?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Я хочу, я хочу вот к свиридовской теме опять обратиться. Тем более, что это – наша тема. Она злободневна. Она злободневна. Но уж очень тяжело его петь! Очень тяжело его петь! Потому что просто так его петь нельзя, а проживать его – так тяжело! Жить не хочется!

БЕРЛИН: Вот мне вот очень интересно, Вы получили такой музыкальный материал. Подарок. «Петербург». Стихи Блока. Одинаково важны и музыка и стихи?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Да.

БЕРЛИН: Да? Вот как Вы работали? Вы читали стихи?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Знаете, я считал и считаю, что, все-таки, в данном случае, слова вторичны, музыка первична.

БЕРЛИН: Музыка...

ХВОРОСТОВСКИЙ: Поэтому, я мучался, их достаточно было – мучений, исходя из музыки. И потом уже, конечно, слова, слова наполнялись, в этой музыке, наполнялись смыслом, и уже получали должную что ли дозу осмысления. Но никогда со мной не происходит то, что сначала слова, а потом – музыка.

БЕРЛИН: Через музыку, Вы идете через музыку.

ХВОРОСТОВСКИЙ: Через музыку, да.

БЕРЛИН: Но Вы-то знаете, это как факт, это как комплимент, Вы поразительно артистичны, Вы на сцене оперных спектаклей, я не знаю, что первично – певец, музыкант или артист. Все как-то все, абсолютно слитно...

ХВОРОСТОВСКИЙ: Комплекс.

БЕРЛИН: Комплекс, да.

ХВОРОСТОВСКИЙ: Вот мне Архипова говорила: «Поехали, — говорит, — в Кардифф, в ВВС, там им нужен комплексный мальчик. Комплексный певец. Вот я тебя беру, потому что ты комплексный певец».

БЕРЛИН: Bravo, Ирина Константиновна!

ХВОРОСТОВСКИЙ: Да!

БЕРЛИН: Тут только одно можно сказать! Вы знаете, у меня вот такой вопрос. О жанровом разнообразии. Вы поразительно разнообразны и

одинаково успешны (тьфу-тьфу-тьфу), работаете в различных музыкальных жанрах, и Вами записано огромное количество альбомов, и на сцене Вы прекрасно представляете ту или иную музыку, это Ваше желание? Да? Ваше? Или, может быть, это продиктовано какими-то договорами?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Ну что Вы! Ну какие договора! Ну Вы что! Нет! Ну что Вы! Нет!

БЕРЛИН: К Вам это не относится, я так и подумала!

ХВОРОСТОВСКИЙ: Ну, конечно, можно меня поставить в какие-то обстоятельства, но если я не захочу этого сделать, никто, я не сделаю. Конечно, конечно, это прежде всего, мои собственные артистические интересы. Моя невозможность заниматься каким-либо там делом на протяжении длительного времени. Поэтому ,я по знаку и весы. Я всегда перескакивая с одного на другое. Мне в одном ампула скучно. Всегда хочется сделать что-то еще и еще. И еще, не настолько насколько в принципе это возможно. Я достаточно осторожен. При этой осторожности, я скачу, но, конечно, не сильно подскакиваю, выскакиваю. Но, тем не менее, жизнь — она большая. И через какие-то интересные работы чего-то добиваешься и становишься как бы на новую ступень, где тебе видно лучше. И у тебя простор и горизонт совершенно другой. И тогда у тебя появляется возможность видеть, соответственно, выбирать, а это очень, по-моему, большая очень привилегия.

БЕРЛИН: Вы знаете, я вот хочу, чтобы Вы, может быть, вспомнили, а может, Вы и не забывали, концерт в Большом зале Консерватории, где были романсы Чайковского, Рахманинова. Вы работали с аккомпаниатором. Это был замечательный совершенно аккомпаниатор. Вот как вообще Вы относитесь к этому искусству? Ведь не каждый хороший пианист может стать хорошим аккомпаниатором? Наверное!

ХВОРОСТОВСКИЙ: Вот, оказывается, не каждый. Бывают дуэты, которые существуют вопреки, как бы. То есть, когда сходятся лёд и пламень. Бывают такие вещи, в принципе, в таком вот ампула. Мы состояли вместе достаточно долгое время. Больше 10 лет с Михаилом Аркадьевым, где в принципе, аккомпаниатор для было оскорбительное слово. Вообще, с самого начала. Когда ему говорили, что Вы — аккомпаниатор, он оскорблялся, говорил, я не аккомпаниатор, я пианист равнозначный. В общем так, что в любом случае, у нас было достаточно равнозначное музицирование. Или ,я бы сказал, знаете такая, ну, некая борьба на сцене. Борьба характеров, противопоставления одного другому, в результате это являло некий, ну, такой, двойственный, что ли, дуэт. С одной стороны, это было интересно наблюдать, как два таких «петушка» борются друг с другом.

БЕРЛИН: И Вам это не мешало?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Нет. Потому что у меня, в принципе, ну, так называемого, сценического тестостерона, мне всегда хватало на целую роту. И занимаясь вот таким вот музицированием, я считал, что так и нужно. Т.е., нужно побеждать, нужно проходить через это, завоевывать, побеждать. А с другой стороны, конечно, может быть, от того, что меня было слишком... идейно мало. Ну вот через эту борьбу я приобрел что-то нечто. Я считаю, что все, что ни делалось, и ни делается в данной моей творческой судьбе, все делалось на благо, в результате. И этот дуэт, тоже меня, во многом, во многом, воспитал и я благодарен Мише Аркадьеву очень, очень во многом. Вот. И с другой стороны, конечно, я несколько перерос в последние годы наш дуэт, поэтому, встретив сейчас Ивари Илья — пианист, с которым я работаю, последние несколько лет, 5-6 лет, я необычайно счастлив. Нашему дуэту, его тактичности, его умению аккомпанировать.

БЕРЛИН: То есть, здесь нет борьбы?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Нет, здесь, скорей всего, поддержка, помощь тактичная, наставление, что ли, какое-то, то есть, какими-то двумя-тремя манками совершенно человек может поставить мою концепцию под сомнения. Или ее может, ну, как бы это так, отменить. Но опять же, по моему собственному согласию. Я в этом убеждаюсь, прежде всего, сам в работе. А то, что происходит на сцене — это, прежде всего, поддержка, прежде всего, забота, конечно. И по-настоящему аккомпанирование. По-настоящему аккомпанирование. Только с Ивари я понял насколько интересен, велик труд аккомпаниатора, пианиста.

БЕРЛИН: Спасибо. Скажите, пожалуйста, может быть, я не права, Вы меня поправите, обычно — аплодисменты, крики, достаются тенорам. Их очень любят, и, в общем, так это было и в мире, и у нас. Вспомните Лемешева, Козловского, короче, это любимчики. Это любимчики...

ХВОРОСТОВСКИЙ: А можно Вас поправить?

БЕРЛИН: Так...

ХВОРОСТОВСКИЙ: Хорошо, но как насчет небезызвестного Муслима Магомаева?

БЕРЛИН: Ну я имею в виду тех, кто серьезно работали на оперной сцене.

ХВОРОСТОВСКИЙ: Хорошо! Элвис Пресли.

БЕРЛИН: Ну, это все, это, конечно, это великие артисты!

ХВОРОСТОВСКИЙ: Френк Синатра. Это все баритоны.

БЕРЛИН: Конечно, конечно, но, я имею в виду оперных! Оперных артистов!

ХВОРОСТОВСКИЙ: А, оперных!

БЕРЛИН: Я просто еще не закончила, и, как правило, они не главные герои даже в опере! Но! Это известно, что выходите Вы и останавливается действие... Да, да, да, да, да, я знаю такие случаи,

когда зал вставал, аплодисменты, долго, и совсем даже не главному герою, не тенору, а Вам. Вот все-таки, вообще, роль баритона в опере, вот как на Ваш взгляд?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Ну, опера – понятие, знаете, понятие очень комплексное. Это, знаете, в любой, любая роль в опере – это, прежде всего, ансамбль. А будь то ты баритон, или тенор, дирижер, режиссер, но, если Вы не работаете все вместе, командой что ли, то результат – не будет никогда найден. Будь хоть ты там целый Карузо или ... (23.31)... Поэтому, я считаю, что лучше, синтетичнее жанра, чем опера, на данный момент нет. В нашем культурном обиходе ничего не существует. В опере присутствует все. А волей классической оперных композиторов – да, все первые роли написаны для сопрано и тенора. Практически все, за некоторым исключением. Ну и что? В принципе, у баритона масса интереснейших актерских, актерски интереснейших ролей, в которых баритон расцветает, и человек, поющий баритоном получает грандиозное удовольствие. От пения в опере. Мне грех жаловаться, конечно, тем более, что тот недостаток внимания, который я могу встретить к себе в опере...

БЕРЛИН: Вы встречаете недостаток внимания?

ХВОРОСТОВСКИЙ: ...в опере, исполняя роли, там обманутых мужей ...

БЕРЛИН: А!

ХВОРОСТОВСКИЙ: ...и отцов, я прекрасно восполняю в своей роли певца, поющего на сцене концерт или т.д. Ни с кем не дели свою сцену. Мне этого хватает, поэтому, в опере иногда я отдыхаю, честно говоря. С другой стороны, в опере я набираюсь и энергии, и определенного мастерства, в опере я расту, прежде всего, как актер, как исполнитель. И, благодаря именно опере, я стал, кем я стал и что, кем сейчас на данный момент я представляю себя- именно опере. Именно благодаря тоже оперным каким-то завоеваниям, и своим личным победам, мой сценический уровень растет, и продолжает расти. Потому что опера для меня еще определенного рода, лаборатория. Где я работаю, где экспериментирую, и где я предполагаю и возможность для роста. Это, прежде всего, опера. И, поэтому, я считаю себя, прежде всего, оперным певцом, конечно.

БЕРЛИН: Именно об опере мы поговорим в следующей части нашей встречи в программе «Мастера». А сейчас прервемся на несколько минут...

БЕРЛИН: Это программа «Мастера». Сейчас у нас в гостях народный артист России, лауреат Государственной премии, звезда мировой оперной сцены Дмитрий Хворостовский. Мы продолжаем наш разговор. А вот скажите, пожалуйста, Вы никогда не задумывались, а что будет завтра с оперой... Этот вопрос связан...

ХВОРОСТОВСКИЙ: Я понимаю вопрос...

БЕРЛИН: Вы поняли меня? Да?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Конечно...

БЕРЛИН: В последнее время столько современных постановок оперных...

ХВОРОСТОВСКИЙ: Да, ну что Вы! Опера, в принципе, она ведь замороженная, как бы. То есть, ничего лучшего не было написано с тех пор, как умерли Вреда, Пучини, Чайковский, Рахманинов. Даже Рахманинов- трудно его назвать оперным композитором, ну, хорошо, Рихард Штраус, допустим.

БЕРЛИН: Ну, да, да, да.

ХВОРОСТОВСКИЙ: Но практически все последнее было написано в начале 20 века. Ничего лучшего не пишется и вряд ли будет написано. В 21-ом веке. Если будет написано – что-то в каком – то другом некотором преломлении, что ли.

БЕРЛИН: Так может, и не надо?

ХВОРОСТОВСКИЙ: В жанре мюзикл или там еще что-то. А нужно ли?

БЕРЛИН: Вот!

ХВОРОСТОВСКИЙ: Не нужно, мне кажется, не нужно. Опера такая как есть, такая, как мы ее любим, 19-го, 20-го века, 18-го века, она то, ради чего мы, в принципе, и живем. И как исполнители работаем. Я не хочу насиловать свой голос в современных оперных постановках, не постановках, а в современной оперной музыке, я считаю, что мой голос не для такой музыки. И, может быть, какие-то более инструментальные голоса способны воспроизвести, там, форсированную эмоционально и теситурно неудобный стиль письма оперного. Способен кто-то это сделать, но не я, во всяком случае. Я этим делом вряд ли когда-то буду заниматься. Хотя – никогда не говори никогда. Я наслаждаюсь, прежде всего, оперой стиля бельканто, я наслаждаюсь оперой Верди, и не мыслю себя без этой оперы. Да, постановки они, конечно, и концепции этих постановок – они меняются, они движутся вместе с нами, что-то появляется слишком выпуклое и скандальное, что-то появляется достаточно органично. Но без этих, без этих всплесков, без этих экспериментов нет продвижения вперед все равно. Так что, ну, люди экспериментируют просто по роду своей культуре представления. То, что как экспериментируют в Германии, допустим, они не будут экспериментировать в России и в Америке, потому что и уклады совершенно разные, и понятия, и чувства меры, и чувство юмора, и чувство прекрасного несколько различна у разных национальностей и народов. Вот, поэтому, эксперименты – они разноликие. Что-то можно принимать для себя, чему-то можно научиться, что-то можно отмечать, люди ведь в оперу идут не только слушать, то, ради чего я, допустим, иду, слушать прекрасные голоса или музыку, они хотят быть удивлены. Они хотят быть потрясены.

БЕРЛИН: Вам это удастся.

ХВОРОСТОВСКИЙ: Шокированы.

БЕРЛИН: Я должна Вам сказать!

ХВОРОСТОВСКИЙ: Да нет, я не о себе говорю!

БЕРЛИН: А я вот просто должна, я не могу этого... И опять –таки это факт. Скажите, а Вам все равно кто за пультом?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Нет, конечно, не все равно, конечно. Мне очень важно, чтобы за пультом стоял такой дирижер, как Гергиев, допустим. Я считаю, что на данный момент трудно найти какого –либо дирижера, который мог бы принести в музыку столько, сколько приносит Гергиев. Даже мановением своего мизинца. К сожалению, это так вот! Как бы многие не относились к моим словам со скепсисом, но, к сожалению, к сожалению, это так. Многие и по своим амбициям, и по своей самооценке, по талантливости своей, на их взгляд, кажутся себе большим, но, к сожалению, то, что делает Гергиев своим мизинцем, не могут сделать они, отмахав за 4 часа за пультом, к сожалению, это так.

БЕРЛИН: А можно вопрос, не связанный с музыкой?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Да, пожалуйста, пожалуйста.

БЕРЛИН: Скажите, пожалуйста, ну, Вы – для мира – это ясно. Но и мир для Вас! Да? Какую кухню Вы предпочитаете?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Ой, люблю! Люблю итальянскую кухню, французскую, знаете, я ведь женат на девушке из Швейцарии...

БЕРЛИН: Да, да, да, да...

ХВОРОСТОВСКИЙ: ... из Женевы, а у нее папа француз, а мама итальянка. Вот, соответственно, Флоранс меня балует один или два раза в году, приготовив что-нибудь, типа, особуко, но ради этого стоит ждать, быть голодным на протяжении полугода! Я люблю... да, честно говоря, я люблю разную пищу. Просто мой желудок не всегда приспособлен к корейской острой пище, или там, через чур японской. Которая тоже может быть жирной очень. Я должен себя всегда сдерживать. Потому что мой аппетит... Конечно, я могу...Иногда я могу съесть и слона. Но, к сожалению, не могу себе этого позволить. Мне нужно быть осторожным, тем более, в передвижениях моих географических. Прежде всего. В первую очередь страдает мой желудок. Во вторую очередь мои связки.

БЕРЛИН: Да.

ХВОРОСТОВСКИЙ: К сожалению, это так, мне всегда надо быть очень в рамках. В таких ежовых рукавицах держать себя, и тренинге. Так как, в основном, путешествуя, я работаю. Вот если бы я просто как турист путешествовал, мне было бы гораздо легче жить.

БЕРЛИН: Но тогда мы бы не имели столько удовольствия. А скажите, неужели Вы не тоскуете по пельменям? Вы же из Красноярска!

ХВОРОСТОВСКИЙ: Да, вот я сегодня пообедал пельменями. Спасибо большое!

БЕРЛИН: Да? Действительно?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Да.

БЕРЛИН: Здорово! Вы сказали, что надо быть осторожным в связи со связками...

ХВОРОСТОВСКИЙ: Ага...

БЕРЛИН: ... и вообще, здоровье нужно беречь. Но, насколько я знаю, Вы серьезно занимаетесь спортом. У Вас большие нагрузки!

ХВОРОСТОВСКИЙ: Но это прекрасно. Потому что занятия спортом, они, как бы, делают тебя физически сильнее, соответственно, здоровее. И более приспособленным к климатическим переменам, или еще что-то. Ты можешь много работать и не устать. Не только долго бежать и не устать, но много петь и не устать. Тоже, это очень хорошо. Тем более, что современные постановки, оперные постановки – они, как правило, предполагают интересные такие и физические, тоже, движения. И не только движения. Нужно и бегать, и прыгать, и поднимать, и карабкаться, баритон, кстати, делает это часто.

БЕРЛИН: Да, да, именно баритон.

ХВОРОСТОВСКИЙ: Да, иногда и раздеваться, просто так, грубо говоря, просто раздеваться не удастся, конечно, да и зачем, но хотя бы частично, тоже хорошо.

БЕРЛИН: Мы так потихонечку с Вами двигаемся к финалу, к моему неудовольствию, конечно. И наших слушателей. Но, тем не менее, и Ваше время ограничено тоже. Вы знаете, меня очень интересуют три Ваших работы. Первая, это «Я встретил Вас». То, что Вы посвятили отцу. Вы сами придумали?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Ничего я не придумывал. «Я встретил Вас» просто вошел в один из титулов песен, романсов, которые записаны, а то, что посвятил я отцу? Кому же еще?

БЕРЛИН: Да...

ХВОРОСТОВСКИЙ: Именно благодаря отцу я знаю этот жанр. Мой отец по настоящему ценитель и любитель жанра русский романс. И, благодаря именно моему папе, я чему-то научился, в частности, в понимании и в освоении что ли этого жанра русского романса. Я не считаю, что я большой дока в этой области...

БЕРЛИН: Не считаете?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Не считаю. Но тем не менее, и я объясню почему. Потому что, в принципе, на всех сессиях записи присутствовал мой папа, и очень часто к нему я обращался и продолжаю обращаться за советами, что касается вот этих вот старинных русских романсов. Он, конечно, очень многому помог в моей творческой жизни, и, в частности, как я понимаю романс на данный момент, старинный русский романс, это все заложено моим отцом.

БЕРЛИН: Песни Великой отечественной войны.

ХВОРОСТОВСКИЙ: Бабушка. Моя бабушка. То есть, это было

посвящено, прежде всего, ей. Когда возникла идея такая записать песни Великой отечественной войны, я в первую очередь подумал о бабушке своей, эта вот запись, это дань, прежде всего, ей. Тот человек, с которым я рос, который меня воспитывал, благодаря которому я знаю огромное количество песен. Разных песен, разных жанров. Знаю истории, сказки, прибаутки, шутки, разные слова. Благодаря которым я умею, практически, все делать. Начиная от мытья полов, готовки, посуды, гвоздей, электричества, все, что угодно, научила меня бабушка. Благодаря которой, я стараюсь не терять никогда чувство юмора. Потому что бабушка моя была с прекрасным чувством юмора. Которая могла посадить «в кастрюлю» кого угодно. Одним, двумя словами так, что люди это иногда понимали на следующий день. Но, когда понимали, было очень больно. Вот такой вот человек. И благодаря которому я понял и ... как бы, не то, что понял, не выучил, а почувствовал, что такое была война. Бабушка потеряла своего мужа, моего дедушку на фронте, моя мама – соответственно, отца. Благодаря этим рассказам о войне, о том времени, военном времени, благодаря тем песням, которые она пела, вот это вот мое, моё понимание музыки, военных лет – оно именно такое. Мое отношение к этой музыке. Поэтому я ... Это был практически первый мой шаг по направлению, что ли, к популярной музыке. Но я считаю, что музыка военных лет, она совсем...это не поп-музыка.

БЕРЛИН: Нет!

ХВОРОСТОВСКИЙ: Это – классика. Это – классика. Т.к., это часть нашей культуры, нашей жизни, нашей боли, наших смертей. Каждая семья в войну потеряла, практически каждая семья потеряла, или каждая вторая. Статистика, очень, знаете, такая... И вот военные песни, конечно, это, прежде всего, дань моей бабушке.

БЕРЛИН: Наверное, Вы знаете, что тысячи людей Вам благодарны за этот цикл, за эти концерты, к счастью, наше телевидение показывает их! Уже неоднократно и дай Бог, чтоб так оно и было!

ХВОРОСТОВСКИЙ: Практически всегда, каждое 9 мая они говорят, что показывают.

БЕРЛИН: Не только, Вы знаете, не только 9 мая! Вот я сама смотрела по телевизору. Да, но вот я Вам хочу сказать, просто пользуясь тем, что я Вас вижу, так случилось, я родилась после войны. НО потом по роду своей деятельности, работы, я тесно дружила даже и сотрудничала с теми, кто писал эти песни. И с Фрадкиным Марком Григорьевичем, и с Новиковым, и с Блантером Матвеем Исааковичем, и я слышала, как они это пели. Потом я слышала, как пел Марк Бернес. Потом, так случилось, что я писала Муслима «Дороги». И когда я узнала, что человек из этого поколения решил ... вот нас ожидает встреча с песнями Великой отечественной войны. Абсолютно в новом прочтении. Я Вам честно скажу, я испугалась, потому что все, что было

до Вас, на мой взгляд, что лучше бы этого не было. И меня поразило это! Особенно! «Случайный вальс» — замечателен. «Дороги»- ведь это очень непростая песня!

ХВОРОСТОВСКИЙ: Очень непростая.

БЕРЛИН: Я помню, как ее писал Муслим. Он все время говорил: «Ты понимаешь, шесть – пятнадцать звучит, шесть – пятнадцать! Что же я буду здесь делать? Потом он убрал вообще оркестр, и сам сел за рояль. И аккомпанировал себе и... я не могу сказать пел, он ее рассказывал. Это было правда, совершенно замечательно. К сожалению, запись – не знаю, сохранилась или нет. Вот. Но Вы! Я, когда слушала, я забыла о том сколько звучит эта песня – «Дороги». Это действительно был рассказ. О том времени, о тех дорогах, но вот знаете, вот как Высоцкий? Когда Высоцкий исполнял, мы уже не понимали – то ли он был...

ХВОРОСТОВСКИЙ: От себя говорит...

БЕРЛИН: ... от себя – не от себя – это уже было неважно. Вот у Вас – это получилось И за это Вам правда, огромное спасибо.

ХВОРОСТОВСКИЙ: Спасибо, Это очень приятно. Спасибо.

БЕРЛИН: Вот этот цикл, конечно... Там все вместе... И еще один вопрос о Вашей вот новой работе, о которой сейчас все пишут и говорят, это новый проект, да? Насколько я понимаю. И композитор, чьи произведения Вы не пели до этого. Что понятно, да, Вы из разных абсолютно жанров...

ХВОРОСТОВСКИЙ: Да.

БЕРЛИН: Но все равно – симфонический оркестр. Симфонический оркестр, роскошный хор академии Попова. Да?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Да.

БЕРЛИН: И все это, я помню, как мы с Виктором Сергеевичем только начинали говорить на эту тему, как он, вообще, мечтал, чтобы это попало к нему в руки. Но вот, к сожалению, его нет, но работа заканчивается, там столько треков, как, что, почему, отчего?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Да, вообще, это интересно очень, прежде всего тем, что для меня это, ну, какой-то новый прорыв, что ли. В совершенно другую, другую, прежде всего, жанровую область. С другой стороны, это прорыв в какую-то другую публику. То есть, я понимаю, что я могу очень сильно уязвить или даже ранить свою публику, которая привыкла к тому, что я делаю. С другой стороны, я думаю, что я приобрету очень много новой публики, которая была далека от оперной музыки, или там, от классической музыки, от того, чем я раньше занимался. Я полностью отдаю себе отчет, в том, что куда, куда я вообще вошел. И что будет, как это будет продолжаться, т.к. работа в принципе, работа только начата. После этой записи будут концерты, будут ...

БЕРЛИН: Где?

ХВОРОСТОВСКИЙ: После этой записи будут концерты в Киеве, в

Петербурге, в Москве, и в Нью-Йорке, и наверняка, будут концерты во всей Европе. И по Америке, то есть, главное, сделать задел, который будет вот в ноябре, а там уже будет видно. Это, конечно, для меня очень интересно еще попробовать себя в какой-то новой жанровой что ли ипостаси, как музыка Крутого – она в принципе, очень мелодичная. Он прекрасный мелодист, там интересные очень, по-настоящему интересные работы, и конечно, поэзия тоже она абсолютно, значит, конгениальна. А той музыке, которая была написана, и Лиля Виноградова просто шокирующе прекрасна и в итальянских тестах, которые она пишет и по-французски, и по –русски удивительные тексты. Она потрясающая поэтесса, потрясающая. По-настоящему поэтесса. Которая имеет еще огромный плюс, который многие, многие другие поэты не имеют – она очень музыкальна. Ее поэзия звучит, ее поэзию хочется петь. И совсем недавно, когда мне было предложено декламировать ее поэтические эссе, которые могут предварять какие-то части из вот это вот шоу, которое готовится, я согласился. И вдруг у меня получилось! Я никогда в жизни своей не декламировал стихов, никогда не говорил перед микрофоном, и вдруг такой совершенно какой-то удивительное ощущение того, что у меня, во-первых, получается, во-вторых, какое-то удивительное чувство кайфа от этого еще. Понимаете? Удовольствия какого-то. Творческого удовольствия. Эстетического удовольствия. Я смотрю, я понимаю насколько потрясающе эти стихи, насколько они музыкальны. Поэтому, я и чувствую себя настолько комфортно. Потому что, я делаю тоже самое, что я делаю с музыкой. Я также фразирую, я также произношу главные и согласные. Я так же... То есть, она просто написана в словах, но, как будто в нотах.

БЕРЛИН: Очень интересно это все посмотреть, конечно.

ХВОРОСТОВСКИЙ: Да, да, но это только начало. Это только начало нашего пути, когда эта работа выйдет на сцену, она встанет с ног на голову, или наоборот, и тогда мы все посмотрим что из этого будет.

БЕРЛИН: Да...

ХВОРОСТОВСКИЙ: До сих пор я не могу сказать, что это будет. Пока что.

БЕРЛИН: Вы знаете, мне кажется, что вот тут волнение даже напрасно, относительно публики, которую Вы можете потерять. Ваша публика Вам верит. Она верит абсолютно, ну, вот без оглядки верит...

ХВОРОСТОВСКИЙ: Ну, дай Бог...

БЕРЛИН: ... и поэтому, если Хворостовский – то они знают, что Вы уже их не обманите. Это правда так!

ХВОРОСТОВСКИЙ: Я не собираюсь никого не обманывать, ни подставлять каким-то образом, просто для меня это очередной творческий эксперимент. И творческая работа. Которая меня поглотила с ног до головы. Это прежде всего, это прежде всего. В

принципе, вот для чего мы занимаемся, чем мы занимаемся? Мы не занимаемся для вот (утрированно говорит) для России, или там для кого-то еще, для всех Вас, а мы занимаемся, вот, прежде всего, для себя. Правда же? Для того, чтобы сделать нашу жизнь полнее, прежде всего, для того, чтобы интереснее чувствовать, для того, чтобы у нас была возможность воплощать наши чувства, то, что мы чувствуем. В то, что мы делаем на сцене, и для того, чтобы делиться с Вами, (утрированно говорит) с Россией делиться тоже. Но это не в первую очередь. Если есть, чем поделиться – слава Богу, конечно! Но в этом смысле, это одно из вот таких вот, опять же, прыжков моих. Балансирование, что ли. И мне это очень интересно. Может быть, через некоторое время, я разочаруюсь в этом. Может быть, я буду счастлив. Кто знает. Никто не знает. Но сейчас мне безумно интересно.

БЕРЛИН: Спасибо Вам огромное, и последний вопрос. Это программа «Мастера». И сегодня у нас Мастер – Дмитрий Хворостовский. И Вы, дорогие друзья, уже, наверное, знаете о том, что почти всем нашим гостям – гостям этой программы я задаю этот вопрос. Скажите, пожалуйста, Мастеру необходима Маргарита?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Ооооооо! Конечно! Конечно! Конечно! Без Маргариты нет и Мастера. Нам нужна муза, нам всем. И мастерам, и не мастерам, и подмастерьям. Всем нужно. Нам нужен человек, который нас вдохновляет, который нас делает лучше. На которого мы молимся, на которого мы тянемся, без которого, конечно, без такой музыки нам прожить невозможно.

БЕРЛИН: Спасибо Вам огромное, я только хочу сказать, Вам, Дмитрий, что теперь я и не знаю, что Вы делаете лучше – поёте, играете, с Вами так приятно общаться! Это правда!

ХВОРОСТОВСКИЙ: Спасибо!

БЕРЛИН: Спасибо!

ХВОРОСТОВСКИЙ: Это все, благодаря Вам.

БЕРЛИН: Спасибо просто много – много раз! И я желаю всем нам частых и таких же удачных, блистательных встреч с Вами. На концертных площадках, на оперных, естественно, сценах, обязательно. Потому что Вы – король!

ХВОРОСТОВСКИЙ: Спасибо!

БЕРЛИН: Спасибо Вам большое! Это был Дмитрий Хворостовский. Это была программа «Мастера». Мы прощаемся с Вами ровно на неделю.

14.10.2009 (эфир)